

НА ВОЙНЕ, КАК НА ФУТБОЛЕ (К НЕОМИФОЛОГИЧЕСКОМУ НАРРАТИВУ СПОРТА)

Гуцол С.Ю.

Гуцол С.Ю. На війні, як на футболі (до проблеми неоміфологічного нарративу спорту)

Статтю присвячено аналізу психологічних особливостей феномену футболу як неоміфологічного нарративу культури. Виокремлено та описано базові неоміфологічні атрибуції футбольних (наколофутбольних) нарративів. Проаналізовано роль символізації футболу в сучасній культурі.

Ключові слова: футбол, неоміфологічний нарратив, символ, ритуал, війна.

Гуцол С.Ю. На войне, как на футболе (к неомифологическому нарративу спорта)

Статья посвящена анализу психологических особенностей феномена футбола как неомифологического нарратива культуры. Выделены и описаны базовые неомифологические атрибуции футбольных (околофутбольных) нарративов. Проанализирована роль символизации футбола в современной культуре.

Ключевые слова: футбол, неомифологический нарратив, символ, ритуал, война.

Gutsol S. In War as in Football (Concerning neo-mythological narrative of sport)

The article analyzes the psychological characteristics of the phenomenon of football as neo-mythological narrative of culture. The basic attributions of football (semi-football) narratives are identified and described. The role of the football symbolization in contemporary culture is analyzed.

Keywords: football, neo-mythological narrative, symbol, ritual, war.

Актуальность. Современная культура тяготеет к зрелищности. С точки зрения Г.Э. Дебора, в обществах, достигших определенного уровня развития производства, вся жизнь проявляется как огромное нагромождение спектаклей [6]. Так, благодаря медиасфере, одним из самых значительных феноменов нашего времени становится спорт, бесспорно, являющийся важным средством репрезентации государств и наций, своего рода семиотическим языком, через который ценности общества заявляют о себе. Спорт как социальный институт, как деятельность, как перформанс стремительно объединяет в своих рядах всё новых и новых поклонников. Под его влиянием в социуме формируется сложный спектр духовных, нравственных, этических категорий и специфических социально-экономических отношений, психологические аспекты которых на сегодняшний день являются предметом многочисленных исследований отечественных и зарубежных ученых.

В постмодернистском обществе спорт представляет собой особый вид коммуникации, сформировавшийся в результате реализации сложного комплекса потребностей (биологических, духовных, информационных, рекреативных и пр.). Как и всякая коммуникация, спорт имеет свою дискурсивную составляющую, реализуемую в семиотическом пространстве. Исследование особенностей фиксации и передачи опыта в спортивном дискурсе, психологический анализ его участников, хронотопа, ценностей и концептов, целей и стратегий позволяют выделить спортивный нарратив как особую повествовательную структуру, включающую ядерную и периферическую (в эпоху масс-медиа разговоры о спорте становятся подчас едва ли не важнее самих соревнований) ситуации спортивной жизни. В частности, визуальная организация спортивного события, его параллельная и последующая текстуализация выступают инструментом социальной переработки информации, получения и интерпретации культурного опыта личностью.

В постинформационном обществе осмысление психологических особенностей формирования и функционирования спортивных нарративов приобретает особую актуальность. Данная статья посвящена анализу спортивного нарратива на примере футбола, за которым на сегодняшний день закреплён статус «знакового» вида спорта. **Предметом нашего исследования** являются психологические особенности современного футбольного нарратива, в частности, его неомифологические атрибуты. **Целью исследования** является выделение и анализ психологических особенностей феномена современного футбола как неомифологического нарратива культуры.

Для достижения поставленной цели проанализируем мифологические свойства и особенности функционирования футбольного нарратива в современном обществе. Прежде всего, обратим внимание на игровой компонент футбола. Классическая культурологическая концепция игры основана на противопоставлении мира игры и мира «серьёзных дел». Однако, обращаясь к истокам формирования игрового пространства, можно обнаружить, что игровая деятельность восходит к сакральной традиции.

Так, в мифе о «героях-мстителях» (терминология Ю.В. Березкина), лежащего в основе архаической части эпоса американских индейцев, борьба божественных близнецов с антагонистами разрешается в форме игры в мяч. Эта стандартная фабула лежит в основе эпической традиции киче, тотонаков, пополука, тепеуа, тарасков, хопи, кабекар, кубео, уито и многих других народов Северной и Южной Америки [3].

Также подчеркнем, что в древней культуре американских индейцев игра в мяч была составной частью цикла «обрядов перехода»

(инициационной, поминальной и «жертвенной» обрядности, воплощающей идею смерти и возрождения) в первую очередь благодаря тому, что мяч в ритуале игры служил воплощением «свободной», очищенной, готовой к реинкарнации души. Игра в мяч была призвана обеспечить вечный цикл реинкарнации, поэтому оказалась связанной с представлениями о первоначальной пещере, образ которой служил выражением идеи порождения и плодородия, был семиотически ориентирован на миф о начале [4; 5].

Действительно, с одной стороны, провести однозначную грань между игровым и ритуальными пространствами достаточно непросто, как и непросто, по свидетельству К. Леви-Стросса, отличить кукол, которыми играют девочки кадиувеу, от подобных фигурок, заботливо сохраняемых на самом дне корзин старухами [9]. Но, с другой стороны, толковать взаимоотношения между игрой в мяч и ритуалом как сугубо генетическую связь нам также кажется не совсем правомерным. Безусловно, игровые элементы вплетены в ритуал, но игра «не выделяется», «не разворачивается» из ритуального действия. Процессы десакрализации культуры, несомненно, отразились на судьбе игры вообще и в мяч в частности, однако, не они положили начало ее истории, и превращение священного действия в развлечение или детскую забаву свидетельствует не об утрате смысла игровых элементов, а о его модификации.

Зарождаясь из первичных «экспериментов» по освоению нового, неизвестного пространства, игра становится формой согласования традиции и индивидуальности, парадигмой освоения мира. «Игра сразу же закрепляется как культурная форма. Однажды сыгранная, она остается в памяти как некое духовное творение или духовная ценность, передается от одних к другим и может быть повторена в любое время» [12, с.28].

Игра невозможна без внутренней трансформации играющего субъекта, позволяющей ему вписаться в игровое пространство, она существует на грани спонтанности и порядка, задаваемого ее правилами. «Всякая игра протекает в заранее обозначенном игровом пространстве, материальном или мыслимом (...). Арена, игральный стол, магический круг, храм, сцена, киноэкран, судебное присутствие – все они, по форме и функции, суть игровые пространства, то есть отчужденная земля, обособленные, выгороженные, освященные территории, где имеют силу свои особые правила» [12, с.28].

Зарождение и становление нарратива как особой формы фиксации и передачи опыта обусловили возникновение игр по правилам (этих нарративов), и тем самым, открыли возможность для бесконечной пересимволизации, бесконечному стремлению к подчинению окончательно

установленным правилам. Так, и игра в футбол, безусловно, имеет множество своих предшественниц в доиндустриальной народной культуре: calcio, игру флорентийской знати эпохи Ренессанса, kalagut эскимосов, русскую лапту, японскую kemaḡi и швейцарскую Hornussen [14].

Новоевропейский идеал рациональности заложил основание математизации и эстетизации игровой деятельности, а также появления и развития отдельных форм игры: спортивной, обучающей, политической, театральной, развлекательной, коммерческой и т. д.

Человек играющий испытывает переживания, недоступные в реальной повседневной деятельности. Во время футбольных матчей с максимальной очевидностью можно наблюдать агональные эмоциональные всплески состязательных порывов. Как и пространство мифа, территория футбола является гиперэмоционально насыщенной.

«Крики с арены разносятся далеко вокруг. Если она открыта сверху, разыгрываемая в ней жизнь сообщает нечто от себя всему окружающему городу» [7, с.33], а с развитием телекоммуникаций и Интернета – всему миру. Рев трибун сообщает о Событии-Встрече так, что каждый матч оказывается ситуацией-знаком.

Как звуковая форма самоидентификации коллективный голос футбольных болельщиков в спортивной сакрализации национального духа превосходит хоровое (групповое) пение, традиционно высшую звуковую коллективную форму организации индивидуальной аффектации. В звуковой организации неиграющей части нации (болельщики, фанаты) индивидуальный аффект переливается в голосовой поток, квази-хаотическую форму психологического взаимного давления в производстве коллективной экзальтации, своеобразной формы «массового орнамента», в качестве «спонтанного» координирующего фрейма которой и выступают групповые скандирования лозунгов футбольными фанатами [8].

Мы болеем за победу, издавая коллективный клич, близкий по реву к пещерному, или коллективно «поджимаем хвосты» за проигрыш. В театре спортивного зрелища зрители посредством активного сопереживания и «голосования» как бы определяют своим выбором и траекторию представления, и катарсический исход, и «выздоровление» в спортивной игре (в драматизации «нации» условие истинного катарсиса, очищения – победа) [10].

В этом смысле, футбол, бесспорно, является одним из замкнутых «маскарадных пространств», праздничной, зрелищной конфигурацией, в которую в современной культуре транспонируют редуцированные карнавальные формы. Действительно, общий исток футбольного зре-

лица и карнавального действия не вызывает сомнений (вспомним, например, карнавальное посрамление и развенчание проигравших).

В связи с этим, подчеркнем, что именно в ведущем действе карнавала – обряде увенчания/развенчания, в котором максимально выражается общекарнавальная пафос синтеза статичных оппозиций «вертикальных» ценностей с «горизонтальным» временем, М.М. Бахтин видел проявление универсальной амбивалентности карнавального мировосприятия, все формы которого динамически объединяют оба полюса: верх и низ, рождение и смерть, хвалу и брань, кризис и обновление и пр. [1; 2].

Глубоко символично в этой связи появление на поле во время прощального матча М. Платини в 1988 году его маленького сына, который вступил в игру и стал как бы символическим заместителем, наследником игрока-отца. В этом незабываемом матче сборной Франции со сборной Мира чисто карнавальной фигурой был бельгийский вратарь Ж.-М. Пфафф, менявший по ходу матча свое игровое амплуа на великолепную маску карнавального шута, забавлявшего хохочущую публику [19].

Спорту, как и любому неомифологическому феномену, необходима определенная иерархия, некий сакральный центр, стягивающий все связи, все коммуникации в единый конгломерат. В этом аспекте, ни один вид спорта не может соперничать с футболом, где иерархичность почти идеальна, размерена и целостна. Как и Олимпийские игры, футбольный нарратив подчиняется четырехгодичному циклу. Подобно тому, как в Средневековье искали священный Грааль, в наше время города и нации посредством своих героев добывают различные футбольные кубки. Вокруг своего сакрального символа – Кубка Мира – футбол сумел создать самую напряженную мифологию (в эпоху ремифологизации инфляция идеалов заполняется новыми культурными ценностями).

Так, обычаи и традиции, подчеркивающие особый статус футбольного мероприятия, находят свое выражение в формализованных обрядах и ритуалах, которые, в свою очередь, как элементы культурно-нормативной структуры спорта вообще и футбола в частности, имеют существенное социальное значение. Например, ритуал открытия и закрытия чемпионата Европы и Мира по футболу является важнейшей составляющей всей футбольной жизни нашей планеты. Он привлекает внимание миллионов людей во всем мире, наблюдающих церемонии по телевидению, и вызывает у них благородные чувства, призванные сохранить и возвысить футбольную Идею. Церемонии награждения победителей, избрания членов различных футбольных комитетов и даже рассылка приглашений участникам конкретных соревнований – все эти ритуалы строго формализованы и детально прописаны.

Описание мифологических аспектов футбольного нарратива возможно в терминологических реалиях различных школ и направлений психологической науки. Так, представители психоаналитической традиции артикулируют футбол как бурлящий гейзер Фрейдистского конфликта. Например, В.П. Руднев (с нашей точки зрения, чересчур тенденциозно, узко и «буквально») объясняет сущность футбольного феномена сублимацией мужской сексуальности: нога воспринимается как продолжение и символ гетерогенной части мужского тела, ворота – как знак вульвы, мяч – спермы, забитый гол – как форма овладения женщиной [11].

Для достижения заявленной в данном исследовании цели мы считаем более адекватным интерпретировать игру в футбол в терминах теории коллективного бессознательного как древнюю агональную борьбу, в которой соревнуются лучшие мужи своих племен за право обладания чем-то, безусловно ценным (сверхценным). В русле выше сказанного, футбольный клуб несет в себе «воспоминание» о тайных мужских союзах: магистр (президент), капитул (тренеры и совет), сержанты (обслуживающий персонал), воины (рыцари футбольного мяча). С нашей точки зрения, футбольная команда наиболее эксплицитно представляет коллективную «границу», состоящую из молодых, здоровых тел, объединенных единым порывом борьбы за победу. Единое «тело» команды, энергетически мощное слияние голосов болельщиков, экзальтированной ритуалистика напоминают мифологию поединков богатырей или рыцарей (платок Прекрасной Дамы на копье модифицировался в ритуал поднятия государственных флагов).

Скупая мужская слеза победителя, экзальтированные рыдания толпы при поднятии флага да и сама ткань флага – это образы, которые трансформировались из метафор смерти героя (оплакивание и гроб, обернутый государственным флагом) в образы торжества и непобедимости героя или команды героев как гомосоциальной «играющей» модели нации. Более того, спорт как модус мира (в отсутствие войны) становится в каком-то смысле паравоенной (национальной и глобальной) практикой «тройки» победителей, что делает конкуренцию между ними все жестче и проявленной [10].

Безусловно, в футбольном матче проигравшая сторона не умирает буквально, однако ей, как и ее болельщикам, достается символическая «женственность» побежденного – «болезнь», не завершившаяся «очищением» и «выздоровлением». А мужское «тело» победителей, в используемых нами терминах, демаркирует границу здорового государства. Параллельно, по мере возможностей, происходит демонстрация политической корректности (расовой, этнической) играющего состава на основе все той же узнаваемой взаимосвязи и солидарности между мужчинами для последующего доминирования над другими мужчинами [15].

В этом смысле оппозиция жизнь/смерть (или «пять-ноль») как смыслопорождающая оппозиция значения «победы» в дискурсе войны требует биологической репродукции нации в качестве залога будущих побед. Нация «женственно» не способна преодолеть «боль Ямайки» и остается в знаке «ноль», по темную сторону видимости этого необходимого компонента визуального порождения героической мужественности, телесного продолжения поднимающегося флага победившей нации [10].

Таким образом, можно заключить, что футбольная игра между соперниками представляет собой сублимацию военных действий, победа в матче интерпретируется как победа в битве, а мастерство как сила и геройство игроков-воинов: две команды в формах национальной расцветки (чем не солдаты?), поле – не паркет, не линолеум, а именно земля и трава (чем не плацдарм?).

Футбольная команда, защищающая рубежи Родины, была в свое время символом революционного единения (вспомним легендарные матчи советских футболистов против сборной команды басков). Знаменитый матч в блокадном Ленинграде и расстрел киевского «Динамо» в Бабьем Яру после победы над немецкой футбольной командой превратились в народные легенды.

Анализируя содержание символизации футбольного состязания как битвы, с нашей точки зрения, прежде всего, необходимо выделить:

- символические роли игроков – защитники, нападающие (в матчах присутствуют довольно сложные структуры построения различных опорных линий), статус тренера как полководца, особая роль вратаря («эй, вратарь, готовься к бою: часовым ты поставлен у ворот...») и т. д.;
- важные символические свойства границ (поля битвы, своего поля, и статус сакрального объекта (ворот с сеткой), который должен быть сохранен от противника максимально полно);
- правила, напоминающие о воинской доблести честного поединка;
- судьбы, с их «божественным» правом безошибочного и окончательного решения и пр.

Мы считаем, что именно благодаря этим символическим аспектам, футбольное состязание помогает зрителю присваивать победу команды своей страны (города, района). Однако следует подчеркнуть, что символическая футбольная война отнюдь не отменяет (не подменяет) войны реальной: фанатские войны становятся неотъемлемой составляющей футбольного и околофутбольного нарративов.

В футболе борьба принимает порой не просто зрелищный, но и кровавый оттенок, как борьба гладиаторов в Древнем Риме (не случайно многие футболисты называют себя именно гладиаторами). Достаточно

вспомнить недавний, произошедший 18 августа 2002 г. трагический случай с вратарем С.Перхуном, скончавшимся от черепно-мозговой травмы [17].

Требование подвига становится неминуемо квазивоенным, переводящим проигравших в ранг «предателей Родины». И спортсмены продолжают гибнуть, вооруженные установками на победу (любой ценой); последними достижениями науки и техники: «идеальными» бутсами и специальной спортивной амуницией со встроенными сенсорами и вибрирующими вставками (<http://www.inopressa.ru/newscientist/2006/06/12/13:33:07/football>; <http://palm.newsru.com/sport/29sep2005/wear.html>), многочисленными компьютерными программами, улучшающими качество тренировок, контактными линзами для футболистов (<http://palm.newsru.com/sport/10may2005/lens.html>), помогающими лучше ориентироваться на поле и отчетливее видеть мяч; новейшей медицинской аппаратурой и фармацевтическими препаратами; и всеми прочими доступными, порой, отнюдь не безобидными средствами.

Так, например, в Испании перед матчем со сборной России в полуфинале чемпионата Европы 2008 г. выпустили куклу Игнашевича для ритуала Вуду [18]. Поклонники футбола и оккультизма всего за 10 евро могли приобрести специальный набор для совершения обряда по всем канонам. В него входили маленькая жертвенная кукла футболиста и набор из четырех булавок, которые следовало в нее втыкать. Изготовители набора уверяют: «Амулет дает 100-процентный эффект поддержки Испании на Евро-2008. Уколи меня, чтобы быть чемпионом!» [16]. Стоит добавить, что производитель игрушки – фирма Cuatro – вместе с куклой и иглами предлагала также набор флагов стран-участниц Евро-2008, которые можно переклеивать на куклу по мере необходимости, что повышало универсальность продаваемого набора.

Завершая данное исследование, нам важно подчеркнуть, что сепантически мифология футбола не ограничивается лишь милитаристской символикой, она, безусловно, принципиально шире и богаче и содержит (эксплицитно или имплицитно) широкий спектр многоплановых архетипических наслоений, которые, актуализируясь, бесконечно манят и притягивают нас.

«Мне кажется, что футбол мы любим (...) трепетной, уязвленной и терпкой любовью. (...) Футбол же остается прекрасным и недостижимым, как первая любовь, как сны и надежды юности. Не сказывается ли в нашей всенародной любви к футболу та, ещё пушкинско-лермонтовская мечта по югу, которая объединяет всех северян, даже немца Гете и англичанина Байрона? Не есть ли тяга к футболу – массовый, демократический вариант этого романтического томления? Ты знаешь край, где зреют лимоны, где

небо не тускнеет, где цветет миндаль? – и где люди парят над блаженными, вечнозелеными эдемскими лугами, легко перебрасывая друг другу круглый, как плод с дерева жизни, мяч?» [13, с.31-32].

Выводы. В результате анализа психологических особенностей современных футбольных (и околофутбольных) нарративов нами были выделены следующие неомифологические атрибуты исследуемого феномена:

- преобладающее значение символических ценностей, актуализация различных архетипических составляющих опыта, гипертрофия механизмов символизации (например, футбол как война), обуславливающие высокий уровень идентификационного потенциала футбольного нарратива;

- наличие высшего ритуально-мифологического сценария (победить любой ценой), в следовании которому часто заключается «цель и смысл жизни»;

- цикличность времени и пространства;

- чрезвычайно высокий уровень фоновой эмоциональной насыщенности футбольного нарратива (плюс агональные эмоциональные всплески состязательного и околосостязательного пространств);

- наличие единой и общей системы значений, её самодостаточность (высокий уровень константности образов);

- наличие высшей «точки зрения»;

- транспонирование редуцированных карнавальных форм;

- целостность, нерасчлененность знаковых систем, использование в семиотических целях «языка реальности»;

- наличие базовых общекультурных оппозиций: жизнь/смерть («пять-ноль»), свои/чужие, верх/низ (увенчания/развенчания), дисциплина/спонтанность поведения, групповая идентичность/индивидуализм и пр.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского/ Михаил Михайлович Бахтин. – М.: Советская Россия, 1979. – 320 с.
2. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / Михаил Михайлович Бахтин. – 2-е изд. – М.: Художественная литература, 1990. – 543 с.
3. Березкин Ю.Е. Мифология индейцев Америки./ Юрий Евгеньевич Березкин // Ichon A. La religion des Tonaques de la Sierra. – Paris, 1969. – P. 63-69.
4. Березкин Ю.Е. Мифология индейцев Латинской Америки и древнейшие фольклорные провинции (Анализ одного мифологического сюжета) / Юрий Евгеньевич Березкин// Фольклор и историческая этнография. – М., 1983. – С. 191-216.

5. Березкин Ю.Е. Мифы южноамериканских индейцев на сюжет обряда инициации./ Юрий Евгеньевич Березкин // Фольклор и этнография: У истоков фольклорных сюжетов и образов. – Л., 1984. – С. 6-15.
6. Дебор Г. Общество спектакля. – М.: Логос (Радек), 2000. – 184 с.
7. Канетти Э. Масса и власть / Э.Канетти – М.: «Ad marginem», 1997. – 528 с.
8. Кракауэр З. Орнамент массы/ З. Кракауэр // Новое литературное обозрение – 2008. – № 92. – С.69-77.
9. Леви-Строс К. Структурная антропология / Леви-Стросс К. – М.: Наука, 1985. – 536 с.
10. Новикова И. T/RUS не играет в хоккей, или Как сжечь флаг, когда кончились памятники?/Новикова И. // Сборник статей. Сост. С. Ушакин. Библиотека журнала «Неприкосновенный запас» – М.: Издательство «Новое литературное обозрение», 2002. – С. 327-344.
11. Руднев В.П. Метафизика футбола: Исследования по философии текста и патографии/ Руднев Вадим Петрович. – М.: Аграф, 2001. – 384 с.
12. Хейзинга Й. Homo Ludens; Статьи по истории культуры/ Хейзинга Й.. / Пер., сост. и вступ. ст. Д.В. Сильвестрова; Комментар. Д.Э. Харитоновича – М.: Прогресс – Традиция, 1997. – 416 с.
13. Эпштейн М. Футбол и хоккей // Эпштейн М. Бог деталей. Народная душа и частная жизнь в России на исходе империи. Эссеистика 1977-1988. – [2-ое, доп. изд.] – М.: ЛИА Р. Элинина, 1998. – С. 31-36.
14. Eisenberg Ch., Lanfranchi P., Mason T., Wahl A. FIFA 1904-2004. 100 Jahre Welfuball. – Gottingen: Alte Ziegelei Live, 2004. – S. 7-15.
15. Treiman D.J.; Hartmanii H.I. (eds.) Women, work, and wages: Equal pay for jobs of equal value. – Washington, D.C.: National Academy Press, 1981. – 235 p.
16. Евро-2008: Испанцы рассчитывают на магию вуду [Название с экрана] 26/06/2008 – Режим доступа : www.marketingone.ru/events/38.htm?print=on (21.05.10)
17. Вратарь ЦСКА Перхун умер в НИИ им. Бурденко [Название с экрана] – Режим доступа : www.newsru.com/sport/28Aug2001/perhun.html (21.05.10)
18. В Испании выпустили куклу Игнашевича для ритуала вуду 26.06.08 [Название с экрана] – Режим доступа : www.soccerland.ru/news/47157.html (21.05.10)
19. Как Дасаев отметил столетие ФИФА // Советский Спорт 09 марта 2004, №42/9(16278) – Режим доступа : www.sovsport.ru/gazeta/article-item/146345 (25.05.10)